

ТЕАТР РУКА НА ПУЛЬСЕ ВРЕМЕНИ

Сегодняшний день Татарского академического театра. Перспективы его развития. Современный драматург. Любимый спектакль. Творческие контакты. Театр и зритель... — так приблизительно можно сформулировать темы, затронутые в беседе вашего корреспондента с главным режиссером гастролирующего в Уфе Татарского академического театра драмы М. Х. Салимжановым. На многие из перечисленных вопросов уфимцы получили ответ, разговаривая с гастролирующей репертуром коллективом. Да и, кроме того, татарское сценическое искусство, его идеалы и текущие

искусства—метод социального-психологического анализа. В ее распоряжении — все многообразие достижений социалистического многонационального театра. И она в татарском театре отчетливо сознает свою роль и утверждает себя с настойчивостью, граничащей порой с волевым началом.

Активность режиссуры проявляется в первую очередь в отношении к репертуарному полемному театру.

— Любая из наших репертуарных театров, — говорит М. Салимжанов, — сама себе делает репертуар. Практически каждая пьеса, поступающая в распоряжение театра, требует длительной лабораторной доработки. В год мы получаем до сотни предложений, примерно четверть из них выносятся на обсуждение коллектива, а зритель знакомится с пятью-шестью премьерами. Я не рискую занять в лоб, что все отвергнутые пьесы плохи: речь тут не столько об узости проблематики и поверхностности решений, сколько о явной скудости форм. Недавно мы отказали автору, написавшему драму о нефтяниках Татарии. Почему? А потому, что драматург взял в свою пьесу от современного образа мышления нефтяника только терминологию.

В татарской драматургии ныне работает целый ряд глубоко заинтересованных в театре людей. Особые надежды мы возлагаем на Хая Вохит и Азиза Гилязова, с пьесами которых хорошо знаком и башкирский зритель. Однако, надо заметить, что авторы несут в себе в явной-то степени типичные для нашей драматургии недостатки. Первый отлично знает сцену, театральна, остроумен, но подчас скользит по поверхности глубинных процессов жизни. А второму при всей серьезности затрагиваемых им проблем не хватает общепонятной театральной изобразительности, вернее, гибкой, точной формы, способной донести до зрителя всю полноту раздумий драматурга. И, конечно же, в обоих случаях мы сталкиваемся с традиционным — с мажорным мышлением и мажорными формами.

Мое желание определить беды нашей драматургии не означает отстранения от трудностей раз-

падать не стыдно. Это—те самые ошибки, которые учат. Театр намерен заново продвигать всю работу, ибо это—дело его чести. Если мы примиримся с неудачей, то онажесткая, и театр, и драматургия будут отброшены назад, на долгие годы дороги в искусство.

НОВЫЕ ДОРОГИ. Новым путем в искусство... Мы знаем, что эти мысли занимают всех, кому дороги идеалы советского театра. Татарские художники не составляют здесь исключения. Насколько мы можем судить, театр имени Г. Камала испытывает самые различные сложности в решении сложнейших задач, выдвинутых и постоянно обновляемых жизнью. Он обращается к героической теме, опираясь на вечную живую мечту человека о подвиге. Он работает в жанре, близком к оперетте. Ему понятны парадоксы трагикомедии, способной воспринимать жизненные ситуации в их диалектическом единстве. Наконец, театр вновь и вновь возвращается к развернутым полнотам народной драмы... Ему чужды претенциозная уверенность в том, что существуют един-единственный ключ к душевному миру любого современника. Но в одном он хочет быть постоянным — в неутомимых поисках возможности во всей полноте жизни и борьбы народа.

— Рука художника должна всегда лежать на пульсе времени, — говорит об этом М. Салимжанов.

ДЛЯ НЕГО это значит то, что искусство должно постоянно тревожить человека мечтой о совершенстве. Именно поэтому ставя перед собой задачи театра и творческие проблемы, «День рождения Миллуша», «Если ушиблится счастьем», «Последняя пьеса», «Любимый — дитя человеческого», «Топотом мой в красной юбке», «Низвержена и некоторые другие спектакли гастролирующего репертуара наших гостей снова и снова возвращают зрителя к мир этнических ценностей человека. Театр твердо знает, что он исполнит свой долг лишь в том случае, когда примет посильное участие в борьбе за нового человека.

— Вот вам маленькая иллюстрация, — рассказывает свои мысли наш собеседник. — По долгу службы мне приходится бывать в самых различных городах, поселках, деревнях. Ручаясь, что один и тот же спектакль будет по-разному воспринят: зритель, для которого театр стал постоянным собеседником, размышляет глубже, реагирует активнее. И его уже не проведешь на мимике. Он хочет новизны взгляда, он требует глубины раздумий, он жаждет, наконец, изобразительности.

Я — та же глупая, меня волнует суд-

заботы, его традиции, мечты о новом всегда входили в круг живых интересов любителей театра в Башкирии. Нам дороги, близки и понятны его поиски.

ПОЧЕМУ столь велико внимание к сегодняшнему татарскому театру и к родственными проблемами, отягченными в нем стоическая эмоциональная сдержанность, где истоки тех переживаний, которые склоняют «театр актера», нашим мы привыкли воспринимать татарское сценическое искусство, и почему «театра режиссера»?

— Да, несомненно, привычные меры, предлагаемые к нашему театру, должны быть уточнены, — замечает Марсель Салимжанов. — Не хочу опережать театроведов, но вывод об эмоциональной сдержанности нашего сценического искусства давно витает в воздухе. Многие переживают необходимость стандартов, предлагаемых татарскому театру, но интуитивная, вытекающая из характера самого народа сдержанность в проявлении чувств всегда остается в силе. К огорчению, со временем обозначились приметы явного перерождения этой сдержанности в элементарный бытовизм. Я вижу свой долг, долг режиссера в решительной борьбе со всеми и всяческими признаками тусклого схематизма, призрачности и свинца. И мне кажется, наши усилия окупаются успешными, когда мы сочетаем заветную старинную полюбившуюся татарскую страсть к глубокому поиску с максимальным использованием театральной выразительности. Это тем более важно, что в татарском сценическом искусстве происходит смена поколений художников, и мы должны сохранить лучшие традиции родного театра.

ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ в Татарский академический театр вошел внушительный отряд молодежи, призванной продолжать дело тех, кто стоял у истоков советского татарского театра. Таинственные люди, получившие специальное образование, они полны энтузиазма с чистотой почти эстафеты шествия.

И любопытно: одним из связующих звеньев в этом процессе, вернее с живым искусством художников старшего поколения, выступают заинтересованные, целенаправленные режиссура. Назовем лишь два спектакля из гастролирующего репертуара коллектива — «Голубую шаль» и «Мирная и Айсулу». Первый где-то строго следует традиционным канонам. Второй же решительно порывает с привычной трактовкой национальной фольклорно-этнографической драматургии.

Безусловно, режиссура, представляющая самыми различными способами в целом становится немаловажным звеном современного татарского театра. В ее руках сильнейшее оружие совре-

дения театральной литературы. Более того, подчас и театр повинен в том, что драматургия задерживается на низком ступене своего роста. Чтоб не быть голословным, приведу примеры. В нынешнем сезоне я поставил три спектакля. С двумя вы знакомы. Это — «Шамшад Усманова» и «День рождения Миллуша». Третьим была сатирическая комедия выдающегося татарского писателя Навия Исламбета «Парень из Кырла». Название подсказывает, что ниткой фантомы стала народная сказка об обманутом шураале. По существу же — это злая, меткая комедия, бичующая серьезные недостатки нашей жизни. Н. Исламбет создал блестящее и, я бы сказал, виртуозное произведение. С большой охотой мы приняли за работу и... провалились. Сейчас, обдумывая причины неудач, я склонен думать, что режиссер не понял особенности комедии Н. Исламбета, предположившего совершенно новую вещь. Прямое асфе, мы потеряли ощущение юмора, возмуженной в произведении. Отсюда узорный рисунок драматурга превратился в вычурность; остроумие его диалогов — в нарочитую грубость; резкость, за которой, как теория, за которой, как теория, — бытовое с притяжкой не блещет. Но, как говорится, с того кон-

ва классических произведений родной драматургии. Как правило, мы обираемся себя, продолжая играть в традиционных драмах по старинке. И чаще всего оправдывали свою инертность обязательной фразой о самообытности. Так неуловимый современный человек как может развлекать зрителя на самоубийство? И неуловимого же — обречь на этнографический исток, чтоб превратить в этой самой самообытности! Не думаю... И в той же степени, в какой театр воспринимает современный драматургический материал, он должен воссоздавать золотой фонд классики. В сознании народа пронизаны незыблемые сценки. Они позволяют, более того, настаивают на них мерах, предлагаемых и национальному театру.

ДРУГИМИ СЛОВАМИ, речь идет об ощущении времени, о чувстве современности, о долге театра искать и находить исчерпывающие ответы на наболевшие задачи, наметив театр драматургический материал, следовательно, и жизнь.

С. САЙТОВ.

НА СНИМКАХ: 1. М. Х. Салимжанов — главный режиссер Татарского академического театра драмы. 2. Сцена из спектакля «День рождения Миллуша».

Ю. В. Васильева, Р. Мухоморова.

СОВЕТСКИЙ БАШКИРИЯ 23 ИЮН 1968